

ГЛАВА 2

— Вот этот?

Мы сидели в машине на острове Йель, в деревне Гатчер, на набережной, и разглядывали стоявший у причала крохотный паромчик, который должен был отвезти нас на Анст.

Мы уже проехали почти тысячу миль по земле, потом долго-долго плыли по морю из Абердина в Леруик, тоже на пароме. Леруик — это такой городок на Мейнленде, а Мейнленд — самый большой из Шетландских островов. На карте, если она у вас ещё

под рукой, он, конечно, всё равно будет крапинка. Но это будет самая крупная в Шетланде крапинка, и все паромы из большой Шотландии приходят именно сюда.

Всё, что я пока успела разглядеть в Шетланде, было зелёное и мокрое, а тучи висели так низко, что хоть трогай их рукой. Как только мы остановились, папа вылез из машины и начал делать свои жуткие приседания — ну такие, с откляченным задом. Когда он работает за компьютером, то делает их каждые двадцать минут. Мне сразу захотелось сползти с сиденья и куда-нибудь исчезнуть — спасибо хоть, что никого моего возраста поблизости не было видно.

— Рулетик? — Мама обернулась и протянула мне мясной рулетик в тесте. У неё на коленях стояло пластиковое ведёрко с рулетиками — размером с ведро из-под краски. Мама всегда говорила, что если уж приходится покупать что-то в пластиковой таре, то пусть лучше она будет большая, но одна, а не много маленьких. Рулетики мама всегда вы-

бирала самые дешёвые, такие суховатые, мясная начинка в них розовая, как сосиска, или серая, в ней ещё иногда попадаются комочки, их надо выплёвывать. Папа говорит, что всё это ошмётки, которые мясникам не удалось никому втюхать, он такое не ест.

Когда я взяла у мамы рулетик, она потянулась — в шее даже хрустнули позвонки. Это понятно, со своей работой на свежем воздухе она не привыкла долго сидеть на одном месте. У неё был такой жёлтый дождевик, прорезиненный, как у буровиков, — на любую погоду. А когда работала дома, она ставила компьютер на кухонную столешницу и печатала стоя.

— Гренландская акула, — напомнила я.

— Мм? — промычала мама сквозь мясной рулетик.

— Ты вчера говорила, что там водится гренландская акула. Как думаешь, вы с ней встретитесь?

Мама прожевала рулетик и глянула на часы.

— Не хочешь выйти размяться?

— Только, чур, не рядом с папой.

Папа теперь размахивал руками во все стороны, хлопал себя ими по ногам и по попе и громко пыхтел, так что было слышно даже сквозь ветер: «Ф-ф-ф, ф-ф-ф».

Мама прыснула:

— Договорились!

Мы выбрались, мама залезла в багажник — достать что-нибудь от дождя. У меня была красная куртка, у неё жёлтый дождевик, а у папы зелёная куртка — втроём мы получились как светофор.

Ветер погнал нас в сторону торчавшей на набережной деревянной скамейки, и мама, конечно же, на неё села. Скамейка была мокрая-премокрая, но маму это не волновало — когда люди становятся морскими биологами, сырость их уже не пугает.

— Джу, как ты, моя девочка?

— Нормально.

— Ух и долго же мы ехали, — сказала она.

— Я знаю. Я тоже ехала.

Она заозиралась и, когда увидела меня, даже подскочила, будто от удивления.

— Как, и ты тоже? Неужели?

Я хихикнула.

— Мам, гренландская акула.

— *Somniosus microcephalus*.

— Я кое-что почитала про неё на папином телефоне.

— О, ты поймала сеть? Как тебе удалось?

— Что она может прожить целых пятьсот семнадцать лет.

Мама покачала головой.

— Нет? Не может?

— Точно не известно. Может, и может, но акула такого возраста никому ещё не встречалась. Самой старой из всех было лет четыреста.

— *Четыреста?! — Я вытаращила глаза.*

— Угу. — Вот, и каждый раз так. Совершенно же невероятные факты, а она — «угу», будто мы с ней обсуждаем, что купить в супермаркете. Будто все её знания — это что-то само собой разумеющееся, как её жёлтый дождевик: набросила и пошла. — Плюс есть вероятность ошибки. Обычно возраст

акул установить достаточно легко: у них в позвонках формируются годовичные кольца, как в стволах деревьев. Но у гренландской акулы позвонки для этого слишком мягкие. Поэтому учёные научились определять её возраст по хрусталику глаза.

— По хрусталику?! — В голове у меня будто раздвинулись какие-то рамки, я постаралась запомнить факты, чтобы потом вписать их в записную книжку. — Нет, ну эти учёные вообще сумасшедшие!

Мама поморщилась. Она не любила это слово. Сумасшедшие, говорила она, — это просто люди, которых не понимают другие люди.

— Отнюдь.

— А как это акулы столько живут?

— Медленно, — ответила мама. Ветер бросал волосы ей в лицо, она их не откидывала. Обычно мама завязывала хвост, но в тот день нет, это я точно помню. Потому что за кольцами волос лица её было почти не видно, я ещё подумала: как жрица из какой-нибудь легенды, сейчас начнёт предсказывать будущее.

— Медленно? — Я наморщила нос. —
То есть?

— То есть они медленно двигаются, медленно стареют. Будто обманывают время. За год они вырастают всего на один сантиметр. Знаешь, сколько это? — Она показала двумя пальцами, почти сведя их вместе. — Почти нисколько.

— Как ты думаешь, а я долго проживу? Я же быстро расту.

Мама рассмеялась и притянула меня к себе. От неё пахло морем, резиной дождевика и мясными рулетиками.

— Долго-предолго.

— Ну ма-ам! — Я притворилась, будто вырываюсь, хотя на самом деле ничуть не возражала, что мама меня обнимает. А потом раздался гудок.

Когда все машины въехали, паром так осел, что я старалась не смотреть на воду. И уткнулась в свою жёлтую записную книжку — просто чтобы не думать про то, как мы все сейчас потонем. Книжка была у меня

уже больше года, я с девяти лет записывала в неё всякие факты о морских существах. Я открыла новую страницу, сверху написала заголовок: ГРЕНЛАНДСКИЕ АКУЛЫ. А под ним — про хрусталики и про мягкие позвонки.

История не самый мой любимый предмет, но всё равно, что-то я из неё помню и, значит, понимаю, что та акула родилась раньше Наполеона. И раньше Моцарта, про которого мисс Бреймер нам рассказывала на музыке. А Наполеон с Моцартом жили реально давно.

Между серым морем и серыми тучами показалась деревня Белмонт — вдоль берега тянулись приплюснутые серые дома. Я ничего не имею против серого. Мои самые любимые животные, после Лапши, — серые тюлени. Но всё равно как-то сразу стало понятно, что солнечный Корнуолл остался далеко позади, а тут только Анст с дождём, хоть и всего на одно лето, — от этого внутри у меня стало неуютно.

Потом мы опять ехали на машине. Все молчали, даже Лапша — интересно, думала я, она чувствует то же, что и я? Из деревни вглубь острова вела только одна дорога, машины по очереди с неё съезжали и укатывали, кому куда надо, впереди нас остались только две машинки, но потом и они свернули направо, а мы, на развилке в конце дороги, — налево, как было указано на схеме, которую перед отъездом папе прислали с работы. Дальше никаких дорожных знаков уже не было, одни кочки с рытвинами.

Дождь барабанил по крыше машины, как папа, когда ждёт какого-нибудь срочного имейла, — пальцами по столу. Но мамино окно всё равно было приоткрыто, в него влетал дождь вместе с запахами грязи и травы.

— Мы точно едем куда надо? — спросил папа.

— А больше тут некуда. — Мама помахала распечатанной схемой. — Видишь: от Белмонта прямо, на развилке налево и дальше, никуда не сворачивая, до самого Афл-Джента.

Ага, вы не ослышались, такое вот название у маяка: Аффл-Джент. И это ещё ничего, соседний — вообще Макл-Флагга. Так что могло быть и хуже.

Дорога теперь шла на подъём, наша машина, пыхтя, взбиралась выше, выше, выше. Когда мы доползли до самого верха, мама опустила стекло, высунула голову и вскрикнула:

— Джу, Дэн! Смотрите!

Как будто мы могли не заметить. Попробуй такое не заметить. Дорога заканчивалась ровной площадкой вроде парковки, только парковка эта была ничем не вымощенная и сильно заросшая. Дальше травянистый склон забирал опять круто вверх, и там, на вершине утёса, за которым берег обрывался и простиралось широкое качающееся море, в небо взмывала круглая белая с чёрным башня.

Аффл-Джент. Наш маяк.

Я, кстати, поняла, почему в книгах действие так часто разворачивается на маяках. Ну потому что маяк — это уже сразу приключения, ещё до того как попадёшь внутрь. Снаружи к стене была приделана узкая и прямая железная лестница, идущая до самого верха, так что можно было снизу подняться прямо к зарешёченному фонарю с маячной лампой. Вокруг фонаря — открытая галерея с перилами.

Под лестницей всё заросло крапивой и утёсником, а папе надо было найти ключ от маяка, и ему пришлось обшаривать все эти заросли. Он очень сильно ругался, но мама его даже не одёргивала, потому что была в это время занята: она смотрела на море. Наконец ключ нашёлся под старым жестяным ведром, залитым до половины дождевой водой. Папа поднял ключ над головой двумя пальцами, а потом вытер эти два пальца о джинсы. Нет, вообще мой папа иногда, конечно, жуткий зануда.

Внутри маяка было сумрачно и тесно, от этого сердце у меня упало. Весь нижний этаж — десять шагов из конца в конец, а если папиных, то шесть. В ванной комнате ванна с унитазом впритык, и вход прямо из кухни.

Мебель осталась от последнего смотрителя маяка, и вид у неё был такой, будто она ужасно этим недовольна. Все стены круглые, а мебель квадратная и прямоугольная, поэтому ничего ни к чему не подходило, всё как-то странно громоздилось, будто при ко-

раблекрушении съехало в середину, а углы торчали и мешали открываться дверям. Стены толстые-претолстые, но всё равно снизу тёмными пятнами ползла сырость, и всё насквозь пропахло морем.

Внутри крутая винтовая лестница — прямо как в какой-нибудь старинной башне. Я выпустила Лапшу из переноски, и она с мявом понеслась наверх.

— Ну что, к приключениям готовы? — спросил папа.

— Ещё как! — бодро отозвалась мама.

Папа распахнул руки и обхватил нас обеих, и я, естественно, оказалась в середине, сплюснутая с двух сторон.

— Выпустите меня-а-а!

Они засмеялись, а потом начали целоваться. «Бе-е!» — сказала я противным голосом, вывернувшись и побежала наверх, вслед за Лапшой.

Стена под пальцами была влажная, и уже на втором витке лестницы у меня стала кружиться голова. Над нижним этажом в башне

было ещё три уровня — три деревянных настила, уложенных на скрещённые стальные балки. На первом из этих трёх была только большая двуспальная кровать и рядом письменный стол. И всё, больше ничего не влезало: и так между ними с трудом можно было протиснуться.

Я двинулась дальше. На следующем уровне стояли обычная узкая кровать, уже застеленная (постельное бельё было в гирляндах из линялых ромашек), и тумбочка, и на ней голубая лампа. Моя комната. Совсем не как дома, ничего похожего — там у меня стены цвета морской волны, а на полках расставлены ракушки. Моя нижняя губа задрожала, но я строго сказала себе: всего одно лето. Раньше за такое время люди только доплывали из Англии до Канады. Долго, конечно, но это не вся жизнь. А потом мы опять вернёмся домой, и там опять будут мои друзья — Шабс, Мэтти и Нелл. Я вошла и плюхнулась на кровать. Простыни были влажные.

Мяу-у-у-у.

Лапша орала наверху, звала меня. А уж если она начала, то не перестанет, надо идти смотреть, что ей там нужно.

И последний уровень, папин кабинет, у него в середине вместо потолка — стеклянный колпак с маячной лампой на металлических распорках и над ним решётчатая надстройка — фонарь. Вся эта конструкция висит прямо над головой. Я представила, как папа раскроет тут свой ноутбук и начнёт писать программу, чтобы маяк заработал автоматически. И каждые двадцать минут будет делать свои ужасные приседания с растяжками.

После четырёх дней в машине ноги меня не слушались, последний виток лестницы я еле одолела. На самом верху Лапша скреблась в красную железную дверь с торчащим из замочной скважины ржавым ключом. Из-за двери не доносилось ни звука — ни моря, ни ветра. Она, наверное, такой же толщины, как стены.

— Мам! — крикнула я вниз.

— Ау-у! — Мамин голос долетел до меня по спирали, будто откуда-то издалека.

— Можно мне выйти? — Я взялась за ключ, но родители внизу никак не могли решить, можно или нельзя, — казалось, что они там шипят друг на друга. И папа явно шипел «нет».

— Да! — Это мама мне ответила через минуту.

— Осторожнее там! — прокричал папа.

Я повернула ключ и толкнула дверь. Дверь издала противный визг, будто проскребли ногтями по классной доске, но почти не сдвинулась.

Тогда я навалилась на неё всем весом. Дверь слегка подалась, но тут ветер подхватил её и распахнул настежь. Ступив на металлический настил, я медленно продвигалась против ветра, который хлестал мои щёки,

волосы
скручивались в жгуты,
в змеи, стегали меня по лицу,
у меня уже лились слёзы. Когда я
стёрла их рукавом, первое, что увидела,
было не море, не утёс и не гигантская
погасшая лампа в клетке фонаря —
нет. Первое, что я увидела,
был стоявший у перил
мальчик.

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

